

Историческая преемственность

В антисоветской и антикоммунистической пропаганде распространялось утверждение, будто коммунизм есть уклонение от некоего нормального хода истории. В действительности коммунизм принадлежит к такому типу организации больших масс людей в единое целое, который являлся и является обычным и широко распространенным. При этом типе организации доминирующей является не добровольная самоорганизация масс людей снизу, как это имело место, например, в истории становления США, а принудительная организация сверху, как это имело место, например, в истории России с первых же дней ее существования. Коммунизм развил этот тип организации до предела, обнажив все его достоинства и недостатки.

Организация общества сверху не имеет ничего общего с идеологическим утверждением, будто коммунизм сначала был выдуман кем-то и затем сверху навязан людям. Коммунизм сам есть средство организации общества сверху. При этом типе организации решающая роль в объединении людей в целое принадлежит системе государственности, а не другим факторам, в том числе не экономике. Тут структурирование системы власти и управления образует основу социального структурирования вообще. В России феодальный класс формировался из служащих государства, которые за свою службу получали плату в виде земель и людей, которых тут было в изобилии. А перед революцией 1917 года число государственных чиновников, получивших за службу дворянские звания, превысило число наследственных дворян.

Коммунистическое общество в России возникло не в качестве случайного исключения из общих законов социальной эволюции, а в удивительном соответствии с ними. До революции

в России происходило крушение феодальных социальных отношений, уже утративших сколько-нибудь значительную роль в обществе, и формирование капиталистических отношений, которые еще были слишком слабыми. Но одновременно происходило развитие социальных отношений, которые участниками жизненного процесса того времени не воспринимались как основа социальных отношений будущего коммунистического общества, а именно отношения людей к грандиозному государственному аппарату и отношения людей внутри этого аппарата.

В результате Октябрьской революции 1917 года в России были ликвидированы классы частных собственников, исчезли феодальные и капиталистические отношения. Была вроде бы разрушена также система власти царизма. Именно вроде бы! На месте разрушенного государственного аппарата царизма с поразительной быстротой сложился новый государственный аппарат, который, став законным наследником аппарата царизма, превзошел его во всех отношениях, ибо он стал безраздельным властелином общества. И полный простор получили социальные отношения, которые ранее были переменаны и слитны с отношениями феодализма и капитализма, не выделяясь в качестве специфических отношений будущего коммунизма. Эти отношения, в какой бы форме они ни проявлялись и ни осознавались людьми, были на самом деле привычными для десятков миллионов людей Российской империи. Для них революционный перелом не был на самом деле таким уж радикальным, как это выглядело на поверхности событий и с точки зрения тех, кто сбрасывался с арены истории.

Всякую революцию можно рассматривать с различных точек зрения: с точки зрения причин, приведших к ней, участников революции, ее движущих сил, ее лидеров, ее конкретного хода, ее последствий для различных слоев населения и т.д. Но все это не есть рассмотрение социальной сущности революции. Последняя определяется тем, какие социальные отношения стали господствующими в послереволюционном обществе, какие социальные слои потерпели поражение и какие получили преимущества, стали играть решающую роль, расти и укрепляться.

Сущность русской революции проявлялась не в отдельных ярких событиях, поражавших воображение современников, а в будничной жизни миллионов людей. А то, что для живших в то время людей казалось самым обыденным и заурядным, не привлекало их исторического внимания. Сломали одни контро-ры и учреждения власти, но тут же создали новые, с точки зрения вовлеченных в их работу людей мало отличавшиеся от прежних. Масса чиновников пристраивалась в новых учреждениях. Многие офицеры стали командирами новой армии. Армия и милиция строились по привычным образцам — в соответствии с универсальными законами феноменов такого рода. В стране был накоплен колоссальный опыт организации общественного порядка, и люди действовали в соответствии с ним. Сфера власти и управления необычайно расширилась. Миллионы людей охотно шли в начальники и исполняли новые для них роли так, как будто были прирожденными начальниками или прошли специальную школу для этого. А между тем они просто заново открывали для себя примитивные правила начальствования, свойственные властям всех времен и народов.

Русская революция по своей социальной сущности была революцией чиновничьей не только в том смысле, что чиновник становился новым господином общества, но и в том смысле, что все граждане превращались в потенциальных и актуальных служащих государства. Хотел бы я знать, что случилось бы с Марксом, доживи он до этих лет, если бы он узнал, что самый огромный вклад в дело подготовки его коммунистического рая сделал русский царь Николай I, до необычайных высот развивший чиновничье-бюрократический строй России, а наиболее адекватным воплощением его идей явилось чиновничье-бюрократическое общество Советской России?!

Нельзя считать чистой случайностью тот факт, что реальный коммунизм впервые в истории появился именно в России, и тот факт, что после революции 1917 года в России сложилось общество именно такого типа. Среди множества факторов, ставших условиями для этого, свою роль сыграл и универсальный социальный закон исторической преемственности, который я формулирую так: если какое-то общество разрушается,

но при этом сохраняются человеческий материал и основные условия его выживания, то из остатков этого общества может возникнуть новое, максимально близкое по социальному типу к разрушенному.

Русская история всегда была по преимуществу историей государственности, то есть исходящей от высшей власти и из столицы. Она такой осталась и после революции 1917 года. Более того, она усилилась в этом качестве. Население страны восприняло начало реформ в 1985 году прежде всего как новую установку высшей власти — Москвы, Кремля. И это внесло свою долю в ход событий.